

Козлова Н.Ю.,
аспирантка кафедры философии
ФГБОУ ВПО "Московский педагогический государственный
университет"

Исследование метафоры как контрапункт когнитивных практик

В статье рассматривается возможность трактовки исследования метафоры в качестве контрапункта различных когнитивных практик; показано, что их сочетание образует обширное проблемное поле для разработки актуальных вопросов эпистемологии и философии языка; данный подход связывается с анализом метафоры как механизма, лежащего в основах функционирования мышления.

Ключевые слова: *метафора; эпистемология; философия языка; когнитивные практики; метафорическая семантика; концептуальная система.*

Kozlova Natalia,
graduate of department of philosophy
Moscow State Pedagogical University

Metaphor research as a counterpoint of cognitive practices

The article considers the possibility of interpretation of metaphor research as a counterpoint of cognitive practices; it is shown that their combination makes extensive research field for the development of topical questions of epistemology and philosophy of language; this point of view is joined with the analysis of metaphor as mechanism underlying functioning of thought.

Keywords: *metaphor; epistemology; philosophy of language; cognitive practices; metaphorical semantics; conceptual system.*

В настоящее время, когда "насушным и значимым становится стремление соотнести абстракции, категории, систему рассуждений и обоснований с самим человеком ... в целостности всех его ипостасей и употреблений" [10, с. 9], все большее количество наук оказывается интегрировано в процесс изучения метафоры, что, безусловно, не случайно. Механизм метафоры лежит в основах функционирования мышления. Во многом предопределяя пути структурирования повседневного опыта, он формирует концептуальную систему, последняя из которых, как известно, влияет на манеру мышления и на восприятие мира в целом [6; 8].

"Изучение метафоры традиционно, но неверно думать, что оно поддерживается только силой традиции" [15, с. 5]. Причина этому кроется в самой сущности метафоры, с помощью которой осуществляются "когнитивные практики" познающего субъекта, то есть вся совокупность процессов,

характеризующих "деятельность в сфере получения и применения знания" [9, с. 9]. Метафора невольно становится объектом повышенного интереса в самых различных областях научного знания, как только заходит речь о вопросах, затрагивающих проблемы соотношения реальности и сознания, процессов познания и их корреляции с языковой действительностью. В данном контексте исследование метафоры и способов ее функционирования может выступать в качестве своеобразного контрапункта, в котором специфики отдельных когнитивных практик различных наук не нивелируются, но в своем сочетании обретают новое звучание, создавая при этом обширное проблемное поле для исследования выше обозначенных вопросов.

Взгляды на метафору и ее роль в процессе познания, а также в системе науки в целом по мере развития философской мысли неоднократно менялись. На рост или спад интереса к метафоре влияли господствовавшие в той или иной научной парадигме взгляды на сущность языка и его отношение к познанию и мышлению. Так, в философии XVII века, когда язык воспринимался в качестве дара и главного "двигателя знания" [2], актуальной была идея создания ясного и простого универсального языка, который бы явил собой "некий прекраснейший образ самой речи, некий великолепнейший образец того, как следует должным образом выражать чувства и мысли ума" [2]. Метафора в силу своего "обманчивого и колдовского характера, способного всячески сбивать мысль с правильного пути, совершая некое насилие над интеллектом" [2], если повсеместно не искоренялась, то считалась языковым средством, недостойным использования в науке. Например, Томас Гоббс видел в метафоре препятствие в реализации главной функции языка – выражении мысли и передачи знания, считая, что ее использование в научном дискурсе сродни "блужданию среди бесчисленных нелепостей" [4]. Джон Локк, в свою очередь, также неоднократно отрицал положительную роль метафоры в языке, утверждая, что она «имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман» [7, с. 567].

Иного мнения придерживались сторонники иррациональной философии, придававшие огромное значение интуитивному знанию и языку как системе, во многом определяющей, если не детерминирующей, человеческую мысль и мышление в целом. Они полагали, что истоки языка кроются в эмоциональных импульсах человека, результатом которых является поэтическое творчество. Поэтому метафора воспринималась ими как «фатальная неизбежность», единственный возможный способ самовыражения [15, с. 11]. Так, особенно показательны размышления о метафоре Ф. Ницше, считавшего, что познание существует в форме одной из возможных метафор: «Вещь в себе» (ею была бы именно чистая, беспоследственная истина) совершенно недостижима ... для творца языка и в его глазах совершенно не заслуживает того, чтобы ее искать. Он обозначает только отношения вещей к людям и для выражения их пользуется самыми смелыми метафорами ... на самом же деле мы обладаем

лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям» [11].

Примечательны размышления испанского философа Х. Ортеги – и – Гассета о метафоре и ее роли в познавательном процессе. В отличие от Ницше, Ортега – и – Гассет придает огромное значение использованию метафоры в научном языке, поскольку именно данный языковой механизм позволяет «...достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля ... открывает мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям» [12, с. 72]. Автор убежден, что язык науки не может существовать вне метафоры, поскольку без нее наука потеряет свою функциональность. Метафора «удлиняет «руку» интеллекта», позволяя не только именовать дотоле неизвестное явление путем использования имеющихся в языке лексических средств и тем самым «делать мысль доступной для других людей...», но и открывать доступ к исследуемому объекту для мысли самого ученого [12, с. 72]. Иначе говоря, метафора оказывается формой, через которую реализуется научная мысль.

При анализе данной точки зрения невозможно обойти вниманием вопрос, затрагивающий способность, или, если точнее, предрасположенность метафоры выступать орудием лжи. Возражая позиции, согласно которой метафора может только исказить научную мысль [3], немецкий философ Х. Вайнрих считает, что «не только нельзя писать без метафор, без метафор нельзя думать ... изгнать метафоры означает не только вырвать все цветы на пути к истине, но и лишит себя транспортного средства, позволяющего сократить путь к ней» [3]. Аргументируя данную точку зрения, он рассматривает сущность метафоры относительно взаимоотношений значения и представления как двух главных понятий семантики [3] и контекста, роль которого заключается в установлении данных взаимоотношений, результатом которых является возникновение смысла. По мнению Вайнриха, значение слова есть итог акта абстрагирования, то есть «отбора признаков предмета с точки зрения их релевантности» [3]. Вслед за Полем Валери, который считал, что «значение слова не существует иначе как в каждом отдельном употреблении» [3], и Людвигом Витгенштейном, полагавшем, что «...значение слова есть его употребление в языке» [3], Вайнрих отказывает слову в праве на изолированность и полностью отдает его во власть контекстуальной детерминации. Таким образом, слова «относятся к предложениям, текстам и ситуациям». Контекст редуцирует абстрактное «растянутое, неопределенное, социальное» [3] значение слова до «ограниченного, точного, индивидуального» представления.

Метафора, представляя собой некую совокупность слов, состоящих в смысловом единстве, более чем подтверждает данное правило, поскольку отдельные слова приобретают метафорическое звучание, лишь находясь в детерминации контекста и соответствующей речевой ситуации. Однако, несмотря на сходство семантического процесса, через который проходит значение слова на пути к своей коммуникативной реализации, как отмечает

Вайнрих, «детерминация при метафорическом контексте происходит вне значения»[3]. Иначе говоря, слово, используемое для создания метафоры, в процессе метафорического осмысления под давлением контекста не теряет своей абстрактной палитры потенциальных значений, но семантически преобразуется в соответствии с коммуникативной ситуацией и представлением говорящего. Метафора вырастает из «возникающей напряженности между значением и вне его ... представлением» [3], что и придает ей, по словам автора, особенное очарование.

Из данной напряженности, как отмечает Вайнрих, проистекает сама сущность метафоры, заключающаяся в «обмане ожидания» [3], неком разочаровании, которое неизменно сопутствует интерпретации метафоры. Связь слов в тексте предполагает смысловую последовательность, детерминируемую контекстом и подкрепляемую ожиданием реципиента. Поэтому можно сказать, что метафора – это умышленное нарушение данной смысловой последовательности, это планируемый обман первоначального ожидания, который, однако, «соответствует действительности»: «метафорическое представление столь же ограничено, точно, индивидуально и конкретно, как и всякое другое представление. В этом пункте метафора вообще не отличается от других слов в текстах» [3].

Итогом рассуждений Вайнриха становится вывод, в соответствии с которым метафора, несмотря на свою принадлежность к образной речи, не является одной из форм языковой лжи, поскольку все мысли, независимо от того, как они формируются – посредством нормальных слов или же с помощью метафор – изначально искренни [3].

Возвращаясь к роли метафоры в познании, необходимо отметить, что она оказывается тем языковым механизмом, который позволяет связать мир материальный и мир духовный в концептуальной карте носителя языка. Человек вынужден обращаться к метафоре, поскольку далеко не обо всем ему удастся составить ясное и четкое представление, когда речь заходит об абстрактных объектах ментальной сферы. Поэтому в процессе познания наше мышление «вынуждено обращаться к легко доступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных и трудно уловимых» [12, с. 72]. Однако при этом метафора не «раздвигает границы мыслимого ... но лишь обеспечивает доступ к тому, что смутно виднеется на его дальних рубежах» [12, с. 72]. Из этого замечания проистекает проблема, которая дотоле не разрабатывалась в рамках теории метафоры, а именно роль метафоры в субъектно-объектных отношениях. «Универсальное отношение между субъектом и объектом – это отношение осознания, его можно постигнуть, только уподобив его какому-нибудь другому отношению между объектами» [12, с. 77], в результате чего и рождается метафора. Познание заключается во взаимодействии мышления и окружающего мира, само же представление, как о познании, так и о мышлении, сугубо метафорично, в связи с чем огромное значение приобретает вопрос правильного оперирования научной метафорой.

Тему вездесущности метафоры продолжает в своем исследовании Эрнст Кассирер, размышляя о тесном переплетении мифологического мышления и мышления языкового. Считая, что «структура мифологического и языкового мира в значительной степени определяется одинаковыми духовными представлениями» [5, с. 33], ученый ищет истоки данного сходства в метафоре, которую принимает в качестве единой для мифа и языка концептуальной формы [5].

Кассирер вслед за Адальбертом Куном и Максом Мюллером говорит о том, что необходимо различать «современную индивидуальную метафору» – языковой прием, заключающийся в переносе именованного одного представления на другое, основанное на принципе некоего сходства, – и древнюю, «базисную» метафору, которая обуславливает сам факт существования языка и мифологических воззрений [5, с. 35].

Метафора, а именно принцип ее существования, заключающийся в совмещении, казалось бы, несовместимого, лежит в основе человеческого мышления вне зависимости от того, в какой именно сфере – языковой или религиозно-мифологической – оно реализуется. Так, Кассирер отмечает, что, «по сути дела, уже простейшее языковое выражение требует преобразования определенного мировоззренческого или эмоционального содержания в звук...» [5, с. 35] и «простейший мифологический образ возникает лишь в силу трансформации, посредством которой впечатление из сферы обычного, повседневного и профанического повышается в ранг «священного», мифологически и религиозно «значимого» [5, с. 36].

Необходимо отметить, что философ отказывается рассматривать вопрос, касающийся «соперничества» за детерминацию среди этих двух метафор, считая, что размышления по этому поводу лишь подчеркнут беспредметность данного вопроса. «Заложено ли метафорическое выражение языка в мифологическом расположении духа, или, наоборот, расположение духа может формироваться и развиваться на основе языка?» [5, с. 36] – ответ на этот вопрос исчез в пыли хода истории. Однако вытекающая из данного вопроса проблема соотношения языка и мифа, обнаруживающих колоссальное количество сходных принципов существования, находит свое решение. По мнению Кассирера, именно метафорическое мышление является общим принципом, обуславливающим неразрывную связь языковой и мифологической формы. Иначе говоря, метафора является формой, в которой человеческое сознание на протяжении всей своей истории запечатлевало отклик на ощущения, получаемые в процессе восприятия и познания окружающей действительности и самого себя. В этом раскрывается роль языковой и мифологической метафоры, происхождение которых, как отмечает автор, едино: оно кроется в «интенсификации» концентрации чувственного опыта, лежащего в основе как языкового, так и религиозно-мифологического символизма» [5, с. 36].

Таким образом, можно сказать, что Кассирер отводит метафоре первостепенную роль в формировании не только языковой системы, но и всей человеческой культуры в целом.

Понимание метафоры в качестве вездесущего принципа языкового функционирования активно разрабатывалось и в рамках когнитивного подхода. Метафора, отмечает А. Ричардс, слишком сложна, чтобы принять точку зрения риторики, относившейся к метафоре «...как к украшению и безделушке ... языка, но не как к его основной форме» [13, с. 45]. Можно сказать, что она лежит в основе повседневных когнитивных практик, пронизывая языковую действительность, устанавливая и предопределяя возможные связи между вещами и сохраняя знание об этих связях в языковом сознании носителя языка. По мнению Ричардса, на анализ метафоры должны быть направлены особые усилия, поскольку метафорическими свойствами обладает сама мысль, развивающаяся через сравнение [13]. Поэтому, исследуя метафоры, мы совершенствуем наши знания о принципах и закономерностях мышления.

Ричардс оказывается одним из первых ученых, выделявших среди множества преследуемых в рамках теории метафоры целей чисто педагогическую задачу: искусству владения метафорой можно научить, хотя общепринятой всегда считалась иная точка зрения (искусство «подмечать сходство», создавать метафору – это дар, которым обладают далеко не все люди [13, с. 44]). Метафоре можно «научиться» путем наблюдения не только за спецификой ее употребления, но и за ее внутренними семантическими процессами.

Разработку вопроса о сущности когнитивных свойств метафорического процесса предпринял англо-американский ученый М. Блэк в рамках своей интеракционистской теории. С его точки зрения, метафора не может быть охарактеризована с помощью субституционального подхода, заключающегося в понимании метафоры в качестве выражения, которое употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения [1], поскольку в таком случае понимание метафоры сводится к «разгадыванию загадки». Также недостаточны для анализа сущности метафоры доводы, приводимые последователями субституционального подхода в поддержку своей точки зрения. Первый, касающийся того, что «метафора покрывает лакуны в словаре буквальных наименований ... или по крайней мере удовлетворяет потребность в подходящем сокращенном названии...», то есть метафора представляет из себя одну из разновидностей катахрезы [1, с. 159], отвергается Блэком в силу того, что язык располагает огромным количеством метафор, в которых «не могут проявиться достоинства, присущие катахрезе, так как уже существуют (или предполагается, что существуют) краткие слова-эквиваленты с буквальным значением» [1, с. 159]. Второй довод, объясняющий, с точки зрения субституционального подхода, использование метафорических выражений, даже вне функции катахрезы – по стилистическим причинам – также признается Блэком несостоятельным. Он пишет: «все эти «объяснения», как мне кажется, основываются на следующем принципе: если у тебя вызывает сомнение какая-нибудь особенность языка, приписывай ее существование удовольствию, которое она доставляет...» [1, с. 160].

Исходя из критики субституционального подхода и преобразуя теорию А. Ричардса, Блэк развивает интеракционистскую точку зрения на метафору. Он отмечает, что, заявив об общих признаках двух объектов как об основе метафоры и связи в контексте и в сознании интерпретатора, Ричардс приблизился к разгадке тайны метафоры, поскольку «говорить о «взаимодействии» двух мыслей, «бьющих в одну точку» (или об их «взаимном влиянии» и «со-действии»), – значит прибегать к метафоре...» [1, с. 163]. Однако когда речь заходит о том, что в процессе метафоризации слово оперирует только теми характеристиками, которые присущи ему в буквальном значении, это представляется, по мысли Блэка, слишком поверхностной точкой зрения.

Метафора, отмечает Блэк, несмотря на кажущуюся грамматическую простоту, есть «процесс, в котором взаимодействуют две сущности и две операции, посредством которых осуществляется взаимодействие» [14]. По словам Блэка, между двумя сущностями - объектом, который подвергается метафорическому осмыслению, и объектом, который уже обладает номинацией в языковом пространстве, устанавливается абстрактная связь, в ходе которой каждая из взаимодействующих сущностей привносит в результат процесса свои системы ассоциаций, обычные в случае стандартного употребления языка («система общепринятых ассоциаций»), что и обеспечивает достижение коммуникативных целей говорящими на данном языке. Причем вторая сущность является фильтром при формировании первой, а сам процесс метафорического осмысления подразумевает наличие некоего контекста, в котором мыслимое понятие обрабатывается, когда «погружается» языковым сознанием в поток ассоциаций.

Таким образом, рассматривая феномен метафоры «изнутри», учитывая когнитивные процессы, участвующие в ее образовании, Блэк заложил основы качественно нового подхода к анализу метафоры: пониманию ее сущности и роли как в языке, так и во всей человеческой повседневности.

Проведенный анализ показывает, что трактовка метафоры в качестве контрапункта различных когнитивных практик создает проблемное поле, разработка которого может открыть новые перспективы в осмыслении актуальных проблем эпистемологии и философии языка.

Список литературы

1. *Блэк М.* Теория метафоры. Сборник статей / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
2. *Бэкон Ф.* Сочинения. В 2-х томах. Т. I. М.: «Мысль» (Философское наследие), 1971. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000452/st000.shtml>
3. *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи / Язык и моделирование социального взаимодействия. URL: <http://ru.znatock.com/docs/index-2088.html>
4. *Гоббс Т.* Левиафан. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt>

5. *Кассирер Э.* Сила метафоры. // Теория метафоры. Сборник статей. / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 33-42.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. / Пер. с англ. URL: <http://kant.narod.ru/lakoff.htm>
7. *Локк Дж.* Сочинение в 3-х томах, т.1. М., 1985.
8. *Маккормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. Сборник статей. / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 358 – 386.
9. *Микешина Л.А.* Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л.А.Микешина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 575 с.
10. *Микешина Л.А.* Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания / Л.А.Микешина. - Изд. 2-е, дополн. М.: "Канон +" РООИ "Реабилитация", 2009. 560 с.
11. *Ницше Ф. В.* Об истине и лжи во нечестивом смысле. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/other/about-istina/>
12. *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры. // Теория метафоры. Сборник статей. / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 68-81.
13. *Ричардс А. А.* Философия риторики. Метафора. // Теория метафоры. Сборник статей. / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 4-67.
14. *Телия В. Н.* Номинативно-функциональные типы метафор и их роль в языковой картине мира. // Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. – М., 1992. URL: <http://linguistic.ru/index.php?op=content&rop=post&id=146>
15. Теория метафоры. Сборник статей. / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. 499 с.

References

1. *Black M.* More about Metaphor. The collection of articles. Metaphor theory. Moscow. 1990: 153-172.
2. *Bacon F.* Essays. Moscow, 1971. 590 p.
3. *Weinrich H.* Linguistik der Lüge. URL: <http://ru.znatock.com/docs/index-2088.html>
4. *Gobbs T.* Leviafan. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt>
5. *Cassirer E.* Metaphor`s force. The collection of articles. Metaphor theory. Moscow, 1990: 33-42.
6. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. URL: <http://kant.narod.ru/lakoff.htm>
7. *Locke J.* Essays. Moscow. 1985. 545 p.
8. *MakKormac E.* Cognitive metaphor theory. The collection of articles. Metaphor theory. Moscow, 1990: 358 – 386.

9. *Mikeshina L.A.* Filosofija poznanija. Problemy jepistemologii gumanitarnogo znanija / L.A.Mikeshina. Izd. 2-e, dopoln. M.: "Kanon +" ROOI "Reabilitacija", 2009. 560 p.
10. *Mikeshina L.A.* Dialog kognitivnyh praktik. Iz istorii jepistemologii i filosofii nauki / L.A.Mikeshina. M.: Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPEN), 2010. 575 p.
11. *Nietzsche F. W.* Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinn. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/other/about-istina/>
12. *Ortega-y-Gasset J.* The Two Great Metaphors. The collection of articles. Metaphor theory. Moscow, 1990: 68-81.
13. *Richards A. A.* The philosophy of rhetoric. Metaphor. The collection of articles. Metaphor theory. Moscow, 1990: 4-67.
14. *Telija V. N.* Nominativno-funkcional'nye tipy metafor i ih rol' v jazykovoju kartine mira. Moscow, 1992. URL: <http://linguistic.ru/index.php?op=content&rop=post&id=146>
15. Metaphor theory. The collection of articles. Moscow, 1990. 499 p.